

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР
АНАТОЛИЯ КУЧЕРЕНА

АНАТОЛИЙ
КУЧЕРЕНА

**ВРЕМЯ
СПРУТА**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К95

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Кучерена, Анатолий Григорьевич.

К95 **Время спрута / Анатолий Кучерена.** — Москва : Эксмо, 2016. — 352 с. — (Политический триллер Анатолия Кучерены).

ISBN 978-5-699-89222-8

Сотрудник американских спецслужб совершает немыслимый поступок. Он предаёт огласке совершенно секретные сведения о чудовищной по своим масштабам и цинизму американской программе глобального слежения и контроля. Спасаясь от неминуемой жестокой расплаты своих хозяев, сменяя одну страну на другую, беглец оказывается в транзитной зоне аэропорта Шереметьево. В секретном подземном бункере терминала происходит его встреча с российским адвокатом. Пронзительная исповедь беглого агента неожиданно открывает перед читателями сложную дилемму: кто же все-таки он? Герой? Предатель? Или жертва дьявольских политических интриг, связанных с наступающим планетарным бунтом и началом гибели однополярного мира и господства в нем США?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89222-8

© Кучерена А.Г., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

...Да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу.

Ф. М. Достоевский

Тот, кто готов отказаться от основополагающих свобод ради кажущейся сиюминутной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности.

Б. Франклин

Чтобы быть сильным, надо быть как вода. Нет препятствий — она течет; плотина — она остановится; прорвется плотина — она снова потечет; в четырехугольном сосуде она четырехугольна; в круглом — кругла. Оттого, что она так уступчива, она нужнее всего и сильнее всего.

Лао-цзы

Ересь из ересей — здравый смысл. И ужасно не то, что тебя убьют за противоположное мнение, а то, что они, может быть, правы. В самом деле, откуда мы знаем, что дважды два — четыре? Или что существует сила тяжести? Или что прошлое нельзя изменить? Если и прошлое, и внешний мир существуют только в сознании, а сознанием можно управлять — тогда что?

Джордж Оруэлл

Сюжет и главные герои данного повествования являются плодом воображения автора, что делает случайным всякое совпадение с реально существующими людьми и реально происходившими событиями.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Транзитная зона любого международного аэропорта чем-то напоминает этакий стационарный Ноев ковчег. Он никуда не плывет, ему не грозят волны очередного потопа, но он все же дает убежище тем, кому есть чего опасаться в этой жизни, полной невзгод и лишений.

Обычные пассажиры, обремененные повседневными заботами, багажом, детьми, проблемами и нехваткой времени, проносятся через транзитные зоны стаями рыб, мигрирующих из одного уголка безбрежного воздушного океана в другой. Они практически не замечают тех, кто задерживается здесь надолго.

Обитатели «транзитки» — можно вспомнить библейское «всякой твари по паре», хотя далеко не все тут парами, — стараются быть незаметными, они держатся в стороне от натоптаных пассажирских троп, обживают закоулки и укромные тупички аэропортовских терминалов. Для тех, кто располагает средствами, в транзитных зонах имеются мини-гостиницы, но они, конечно же, далеко не всем по карману.

Многочисленно и разнообразно племя обитателей транзитных зон! Здесь есть и мигранты, все-

возможными правдами и неправдами проникшие на борт самолета, чтобы вырваться из нищих стран даже не третьего, а четвертого или пятого миров и добраться хоть куда-то, где они обретут статус беженцев; путешествующая экстремальная молодежь, летающая буквально автостопом, без виз и разрешений; олдовые хиппи, остатки некогда многочисленного клана «детей цветов», пробирающиеся в свое вечное Катманду; темные личности, фигуранты различных запретительных списков разных государств, неплательщики по кредитам, уклонисты, лжесвидетели, дезертиры, герои уголовных и политических дел; идейные борцы против границ и препон, анархисты, экстремисты и радикалы всех мастей, пророки и лжепророки, а также откровенные сумасшедшие, что зачастую одно и то же. Наконец, несчастные, потерявшие билеты и документы.

И все эти люди чего-то ждут: кто — решения властей, кто — денежного перевода от родственников или знакомых, кто — документов, вещей, сопровождающих лиц... Впрочем, есть и такие, для кого транзитная зона — единственное место на планете Земля, где они могут чувствовать себя относительно свободно.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АЭРОПОРТ ШЕРЕМЕТЬЕВО,
19 ЧАСОВ 10 МИНУТ

К числу последних относился американец Джошуа Колд, мировая знаменитость, ньюсмейкер и по совместительству изгой и преступник, по версии официального Вашингтона. Впрочем, в доброжелательных публикациях в англоязычной прессе его именовали «whistleblower», что буквально означает «тот, кто свистит»; под этим термином в США и других странах подразумеваются люди, предавшие гласности конфиденциальную информацию о тех или иных преступлениях или других нарушениях законов и этических норм в своем ведомстве.

Стечением обстоятельств транзитная зона аэропорта Шереметьево стала единственным местом, где он мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Демарш Джошуа Колда, так до конца и не понятый многими (даже Президент России публично назвал его «странным парнем»), наделал столько шуму, что в некоторых изданиях его уже окрестили «самым громким шпионским скандалом всех времен».

Эта трескучая фраза несла в себе один весьма заметный изъян — Джошуа Колд не был шпионом в классическом смысле. Шпионаж подразумевает ангажированность человека той или иной политической системой, государством, группой граждан, религиозной сектой, наконец. Помимо смертельных рисков эта захватывающая деятельность всегда несет в себе и потенциальную выгоду — вознаграждение в той или иной форме со стороны тех, кому шпион служит.

Небезызвестный Олдрич Эймс продал своих коллег и многочисленных агентов ЦРУ советской разведке за возможность приобрести новый дом и шикарный «Ягуар». Впрочем, бывали исключения.

Генерал ГРУ Дмитрий Поляков на протяжении 25 лет передавал секретную информацию американской стороне из «идеологических соображений»; во всяком случае, именно об этом он говорил на допросах «в подвалах Лубянки». Но все же за ним стояла враждебная СССР система, и не случайно сам блистательный победитель в холодной войне Рональд Рейган просил советского лидера Михаила Горбачева о его помиловании, правда, просьба несколько запоздала.

Колд явил миру в своем роде уникальный образчик героя-одиночки.

По крайней мере внешне все выглядело именно так: молодой мужчина с плотно сжатыми губами и стальным взглядом бросил вызов самой могучей державе мира. Это было бы самоубийством, если бы сюжет развивался по канонам Голливуда, поскольку там положительному герою-одиночке всегда противостоит антигерой, но тоже одиночка. В американских блокбастерах практически никогда не идет речь

о борьбе с системой. Колд замахнулся именно на систему — и превратился в мишень.

Ему каким-то образом удалось улизнуть из-под самого носа сотрудников контрразведывательного отдела Агентства национальной безопасности и покинуть территорию США, а дальше все покрыл туман неизвестности, однако информация просочилась даже сквозь эту спецслужбистскую мглу, и сотни журналистов ринулись в транзитную зону международного аэропорта Шереметьево в надежде обнаружить звездного беглеца.

То, что Колд стал звездой, не вызывало сомнений ни у кого. Он не просто щелкнул по клюву американского орла, он дал ему крепкого и весьма унижительного пинка, словно это был не грозный пернатый хищник, а жалкая сельская курица, заполошно перебегающая дорогу перед велосипедистом.

Перья взвились в воздух, и орел, совершенно по-петушиному вытянув шею, позорно закукарекал на весь мир. Он грозил, он щелкал клювом, рыхлил когтями землю, но репутация хищника изрядно пострадала, и даже президент крохотной латиноамериканской страны не побоялся заявить, что готов предоставить «отважному парню Джошуа Колду» политическое убежище.

Разумеется, журналисты всех мастей, облюбовав «транзитку» аэропорта Шереметьево, первым делом бросились искать Колда, словно это был потерявшийся шенок или трюфель в осеннем прованском лесу.

Те, кто помоложе, рыскали по всем углам, всматривались в лица пассажиров (а вдруг этот странный парень использует грим и накладную бороду?), проверяли подсобные помещения, из-за чего уже прои-

зошло несколько инцидентов со служащими и службой безопасности аэропорта.

Их более опытные коллеги выжидали удобный момент, чтобы дать Колду возможность обнаружить себя, а пока тратили время на то, что на профессиональном языке представителей второй древнейшей профессии именуется «сбором фактуры». Пишущие журналисты беседовали с пассажирами, сочиняли описания аэропортовских интерьеров, ковырялись в Интернете, собирая информацию о пресловутом «капсульном отеле», где, по слухам, мог скрываться Колд вместе с приставленной к нему помощницей, представлявшей профессиональных разоблачителей из «Микиликс». Помощница эта, девица весьма смазливая и бойкая, могла состоять при беглеце в каком угодно статусе, что придавало всей истории дополнительную пикантность.

Пока же операторы снимали общие планы транзитной зоны, чтобы использовать их на «перебивках», и толпу журналистов неподалеку от курительной комнаты — для подчеркивания значимости момента.

Толпа эта состояла в основном из «золотых перьев», вип-корпуса обширного журналистского племени, людей, входящих в самые высокие кабинеты и за самые запретные двери. Привыкшие уже к относительному комфорту в деле добычи информации, решившие, что поговорка «волка ноги кормят» давно не про них, «золотые перья», а равно и объективы откровенно не понимали, почему никто не несет им Колда на блюдечке с голубой каемочкой.

Время шло. Напряжение нарастало. Ничего не происходило.

19 ЧАСОВ 16 МИНУТ

Седой фотокорреспондент в куртке с логотипом агентства «Рейтер» подошел к группе журналистов, наблюдавших за летным полем. У фотографа были красные, как у апрельского кролика, глаза. Он бережно поправил кофр с дорогушим «Canon», отхлебнул из пластикового стаканчика дрянной аэропортовский кофе из автомата и произнес, ни к кому особо не адресуясь:

— Современные самолеты — это настоящие машины времени, особенно если лететь с востока на запад.

— Вы находите? — не поворачивая головы, лениво спросила стоявшая рядом журналистка, дама глубоко бальзаковского возраста, сухая и прогонистая, словно охотничья собака. Было ясно, что и фотографу, и ей, и всей остальной пищеуще-снимающей братии невероятно тоскливо коротать часы в транзитной зоне, наблюдая сквозь пыльные стекла за взлетами и посадками разноцветных воздушных рыбин.

Маститый фотограф довольно заулыбался, поправил волосы и затараторил со скоростью перфоратора:

— Представим, к примеру, что в одиннадцать часов пополудни вы в компании таких же праздных путешественников поднимаетесь на борт комфортабельного лайнера в аэропорту... ну, скажем, Бангкока. И уже в пять часов после полудня вы окажетесь на подмосковной земле и вдохнете дым отечества, что, как известно, нам и сладок, и приятен.

Кто-то из слушателей скептически хмыкнул, явно ставя под сомнение слова оператора о сладости

и приятственности этого самого дыма. Остальные промолчали, и седой джентльмен продолжил:

— При том, друзья мои, что сам полет занимает около десяти часов! В чем же дело? Конечно же, в разнице часовых поясов...

Тем временем по краю транзитной зоны, там, где расположены входы в подсобные и служебные помещения аэропорта, быстро, но без суеты прошел крепкий мужчина среднего возраста, одетый в неприметный серый пиджак и синие джинсы. В руках он сжимал черный кожаный портфель.

19 ЧАСОВ 21 МИНУТА

Если бы кто-то из журналистов обратил внимание на этого человека, в транзитной зоне началось бы настоящее вавилонское столпотворение. Дело в том, что обладателем кожаного портфеля был не кто иной, как Адвокат, волею случая оказавшийся посредником между властями России и Джошуа Колдом и приобретший, таким образом, без каких-либо собственных усилий весьма редкую для представителей российской адвокатуры международную известность.

Ему вообще невероятно везло — с самого начала его адвокатской карьеры «доверители» (так он почему-то называл своих клиентов) неизменно оказывались героями каких-то невероятных приключений: преуспевающий медиамагнат, задержанный при попытке вынести коробку из-под ксерокса, в которой находилось около миллиона долларов, из правительственной резиденции; бывший министр юсти-

ции, чьи фотографии в интерьере сауны в компании обнаженных девиц одно время заполняли российские таблоиды; жена оппозиционного генерала — депутата российского парламента, как-то очень кстати, по версии следствия, застрелившая из пистолета своего мужа как раз в канун тщательно подготовленного им военного переворота, — подобных сюжетов хватило бы на десяток «триллеров». И хотя возможность их создания порой возникала в мыслях Адвоката, он всякий раз откладывал эту идею ввиду дикой нехватки времени.

Адвокат уже встречался с Колдом — материал об этом дали чуть ли не все мировые СМИ. О чем беседовали два этих очень разных человека, разумеется, осталось тайной, но международной общественности стало известно, что Колд получил от Адвоката в подарок русский букварь, роман Федора Достоевского «Преступление и наказание», томик рассказов Антона Чехова, «Историю государства Российского» придворного историка Карамзина, а в довесок к ним — несколько слов ободрения, переданных через Адвоката из самых высоких кремлевских кабинетов.

Между тем нервное напряжение у представителей «второй древнейшей» достигло апогея. Корреспондент одного из оппозиционных интернет-порталов, мрачный юноша с костистым лицом, — про таких говорят: не сильный, но нервный — козлиным голосом профессионального провокатора выкрикнул:

— Да он небось давным-давно под крылом спецслужб на Лубянке. Там «потрошилинг» идет в полный рост.

— Ну, может, и не «потрошилинг», — церемонно откликнулся здоровяк из «Газеты.ру», — сейчас же